
100 6/1

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ОТЕЦЪ СВОЕГО НАРОДА

и

ДРУГЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА,

или

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Историческіе разсказы, народныя преданія и анекдоты,

СОБРАННЫЕ

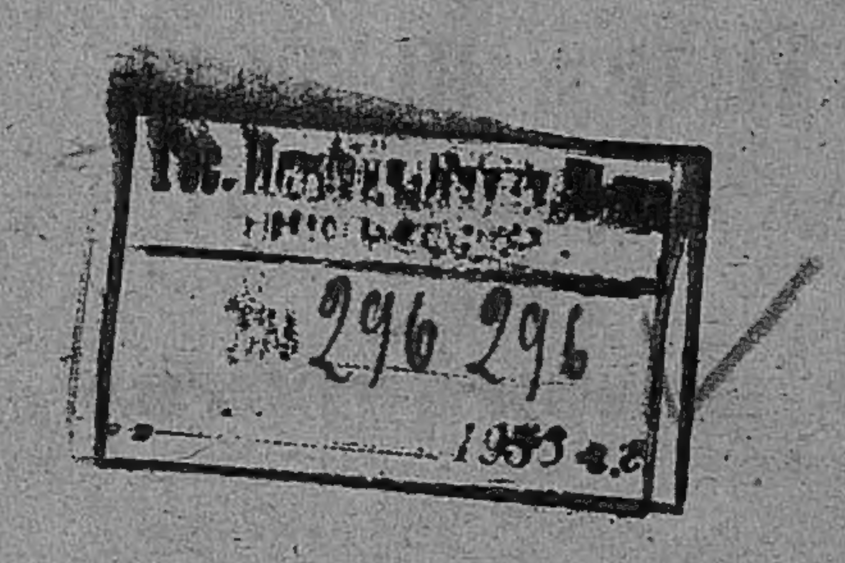
Васильемъ Потаповымъ.

Изданіе второе.

„Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный
побѣдитель,
„Какой вѣнецъ Ему? какой Ему алтарь?...
„Вселенная! пади предъ нимъ — Онъ твой
спаситель. —
„Россія! имъ гордись. — Онъ сынъ твой,
Онъ твой Царь."

Кн. Вяземскій.

МОСКВА.
Въ Типографіи Т. Т. Волкова и Комп.
1851.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1851 года, Іюля 24 дня.

Ценсоръ *В. Флеровъ*.

……… изрѣченія Государей подслушиваетъ Исторія и съ благоговѣніемъ передаетъ потомству.

Глинка.

Все измѣнчиво, все исчезаетъ въ безпредѣльной пучинѣ вѣчности, одни только великія дѣла и событія принадлежатъ постоянному кругу времени…. Эти слова, не помню кѣмъ сказанныя, невольно пришли мнѣ на мысль, когда я взялся за перо, чтобы изобразить нѣкоторыя черты изъ жизни *Благословеннаго* Императора, дѣянія котораго свѣтлыми чертами написаны въ книгѣ судебъ и память о которомъ перейдетъ къ позднѣйшему потомству—подъ именемъ *друга человѣчества!* Исторія Александра ожидаетъ пера опытнаго, могучаго, таланта сильнаго — не изобрѣтательностію эффектовъ, а великою способностію — быть зеркаломъ прошедшаго. Исторію Александра надобно пи-

сать не кровавыми чертами, какъ напримѣръ пишется Исторія Наполеона, и не вычурными фразами краснорѣчія.... лучезарное солнце не требуетъ свѣта другихъ планетъ!..

Историку Александра должно быть Рускимъ въ душѣ, имѣть уваженіе къ собственному труду своему и благоговѣть предъ священнымъ именемъ свыше *Благословеннаго.* Такой только Историкъ достигнетъ своей цѣли и заслужитъ благодарность потомства! Говоря объ Александрѣ, какъ о героѣ-побѣдителѣ, — Исторія обязана изобразить свѣтлыми чертами Его снисходительность и милосердіе къ побѣжденнымъ; прославляя Его, какъ великаго Монарха, повелителя милліоновъ—она должна преклонить предъ нимъ колѣно, какъ предъ другомъ человѣчества, сѣтующемъ о погибели и радующемся о спасеніи послѣдняго бѣдняка, кто бы онъ ни былъ — Русскій или чужеземецъ.... Такая только Исторія будетъ достойна Александра и послужитъ со временемъ

руководствомъ для каждаго смертнаго (въ дѣлахъ милосердія), предназначила ли ему судьба родиться порфироносцемъ, или умереть въ неизвѣстности.... Теперь Россія гордится тѣмъ, что имѣла Александра, тогда мы станемъ гордиться тѣмъ, что имѣемъ Исторію такого Монарха, какъ Александръ! До той поры, каждымъ разсказомъ простолюдина, каждымъ анекдотомъ о Благословенномъ, по нашему мнѣнію, должно дорожить, какъ неоцѣненнымъ перломъ отечественныхъ воспоминаній, — а сколько этихъ разсказовъ остаются еще неизвѣстными, въ устахъ народа, котораго почивающій въ Бозѣ Монархъ былъ отцемъ и благодѣтелемъ?.. Потому-то знать или слышать что-либо о Благословенномъ, и, умѣя хотя нѣсколько владѣть перомъ, не передать событія потомству, мы считаемъ со стороны всякаго поступкомъ непростительнымъ. — Предлагая здѣсь небольшое собраніе преданій о Великомъ Государѣ, мы льстимъ себя надеждою, что удѣляя лучшіе часы сему пріятному занятію, — отдаемъ симъ

долгъ благоговѣнія памяти Монарха, взывая, вмѣстѣ съ поэтомъ, къ тѣни Великаго:

„Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
„Воззри на Твой народъ, простертый предъ Тобою,
„Благослови его Державною рукою!..

Сверхъ сего, зная приверженность народа къ памяти въ Бозѣ почивающаго Монарха и дѣлая доступными, по простотѣ разсказа, для каждаго возраста и состоянія, нѣсколько событій изъ Его жизни, мы утѣшаемся мыслію, что симъ небольшимъ трудомъ доставляемъ хотя небольшую услугу читающему классу народа. Чѣмъ занимать ребенка пустыми баснями и повѣстями, носящими, часто только по одному заглавію, названіе *историческихъ*, дайте ему эту книжку, и повѣрьте, что онъ будетъ съ удовольствіемъ читать ее, и, занимаясь механически чтеніемъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изучать характеръ и душу великаго изъ людей и Благословеннаго изъ Монарховъ; раскройте ее

предъ усатымъ ветераномъ, закоренѣлымъ въ бояхъ и посѣдѣвшемъ на бивакахъ— и слеза богатыря канетъ на эти строки, изображающія милосердіе миротворца Европы, подъ знаменами котораго онъ нѣкогда сражался за Вѣру и Отечество; однимъ словомъ — предложите ее любому Русскому, и я надѣюсь, что *Русское сердце*, извинивши мнѣ недостатки литературные, скажетъ за цѣль и доброе намѣреніе — *Русское спасибо!..*

Василій Потаповъ.

1819.

I.

ГЕОРГІЕВСКІЙ КРЕСТЪ.

„Ты будешь Отцомъ Твоихъ
„подданныхъ!..“

Предсказаніе Императрицы Екатерины II-й Императору Александру I-му въ дѣтствѣ Его.

ГЕОРГІЕВСКІЙ КРЕСТЪ.

(Изъ путевыхъ записокъ провинціала.)

„Благословенный, Ангелъ мира!
„Ты улетѣлъ въ страну небесъ!
„Не зримъ благихъ твоихъ очесъ—
„Не грѣетъ насъ твоя Порфира.
„И кроткимъ маніемъ жезла
„Ты скорби тучъ не разгоняешь
„Съ сердецъ и съ нашего чела;
„Но ты невидимо летаешь,
„Животворишь твоихъ сыновъ.....

Ил. Ободовскій.

По случаю достались въ мою собственность Путевыя Записки одного почтеннаго провинціала.—Не представляя, въ сущности своей, особенной занимательности, онѣ показались мнѣ драгоцѣнными болѣе всякой исповѣди заграничнаго путешественника—по анекдоту о Благословенномъ Александрѣ. Опуская здѣсь подробности поѣздки, какъ обстоятельства, могущія

только растянуть разсказъ, я въ остальномъ совершенно придерживался оригинала, дозволяя себѣ измѣненія единственно въ слогѣ, нѣсколько устарѣвшемъ.

— Я никогда не былъ за границею, пишетъ почтенный провинціалъ: я ѣздилъ только внутри Россіи и то одинъ только разъ, а потому не знаю, въ состояніи ли новизна и любопытство достаточно вознаградить за всѣ невыгоды пути?

Какъ бы то ни было, по моему мнѣнію, путешествія выдуманы для того, чтобы научить человѣка терпѣнію: кому случилось, къ несчастію, исколесить нѣсколько тысячъ верстъ, тотъ, вѣроятно, согласится, что путешествія чрезвычайно несносны (*), а особливо для нашего брата, домосѣда-

(*) Просимъ читателя замѣтить, что Записки эти писаны болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, и потому въ свое время были болѣе или менѣе близки къ истинѣ. Нынѣ, благодаря мудрой попечительности Правительства нашего, почти всѣ эти неудобства устранены. В. П.

помѣщика, котораго всѣ вояжи ограничиваются торжественнымъ выѣздомъ въ ближайшее имѣніе сосѣда, дающаго пиръ на весь міръ, или много-много, чрезъ каждое трехлѣтіе, въ губернскій городъ на дворянскіе выборы. — Между тѣмъ судьба судила иначе, и въ 182. году особенныя дѣла заставили меня, простившись съ сидячею жизнію, пропутешествовать нѣсколько тысячь верстъ почти неожиданно; началось съ того, что смерть близкаго родственника призывала меня въ С*** губернію; въ слѣдствіе того сборы мои были непродолжительны, и чрезъ три дня послѣ полученія извѣстія, я былъ уже въ дорогѣ.

Здѣсь начинается цѣлый итогъ путевыхъ издержекъ, любопытныхъ для одного эконома-путешественника; тутъ же со всевозможною точностію и съ соблюденіемъ всѣхъ орѳографическихъ ошибокъ, переписаны доморощенные стихи, которыми обыкновенно украшаются стѣны станціонныхъ квартиръ и которые служили нашему повѣствователю единственнымъ занятіемъ во время отдыха; но мы

проходимъ всѣ эти диковинки молчаніемъ и начнемъ со времени прибытія его въ предѣлы С*** губерніи, гда онъ имѣлъ случай слышать предлагаемый нами анекдотъ.

Наконецъ я за рубежемъ С*** губерніи, продолжаетъ почтенный провинціалъ: цѣль путешествія почти достигнута, но я разбитъ, изломанъ несносными дорогами, и чтобы приготовить себя къ предстоящимъ трудамъ по дѣлу, рѣшаюсь пробыть хотя одинъ день въ ближайшемъ городкѣ Р** и собраться съ силами— При въѣздѣ въ городъ, я не хотѣлъ остановиться въ общественной гостинницѣ, которая пугала меня своею грязною наружностію, и приказалъ ямщику ѣхать на-угадъ къ небольшому обывательскому домику, который манилъ меня къ себѣ простою, но довольно красивою архитектурою. Молодая, пригожая женщина встрѣтила меня на крыльцѣ и привѣтствовала обычнымъ Русскимъ словомъ; »добро пожаловать!«—Вслѣдъ за нею вошелъ явъ довольно просторнуюкомнату, не богато, но чисто меблированную; въ переднемъ углу кивотъ со свя-

тыми иконами, предъ иконами нѣсколько лампадъ, и подъ кивотомъ, по старинному обычаю, атласная пелена, шитая шелками; на стѣнахъ нѣсколько военныхъ картинъ двѣнадцатаго года, а посреди въ золотой рамѣ грудной портретъ Императора Александра Павловича. — Во всемъ видны были чистота, порядокъ и довольство. — Радушная хозяйка тотчасъ познакомила меня съ своимъ семействомъ. »Вотъ это мой мужъ, сказала она, наивно покраснѣвши и показывая на молодаго, также довольно пригожаго мущину; а вотъ это мой батюшка, прибавила она, обращаясь къ человѣку уже пожилыхъ лѣтъ, съ окладистою бородою, который сидѣлъ за столомъ и важно щелкалъ на щетахъ. — И тотъ и другой учтиво поклонились, — а чрезъ полчаса я уже былъ какъ свой между привѣтливыми хозяевами; мы сидѣли всѣ вмѣстѣ за кипучимъ самоваромъ и рѣчь лилась непринужденно, заставляя меня забывать о непріятностяхъ путешествія. — Вдругъ дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась — вошелъ высокій сухощавый ста-

рикъ и, не обращая ни на кого вниманія, молча опустился въ стоявшее около окна большое кожаное кресло. Его морщиноватое, но открытое лице пересѣкалось широкимъ шрамомъ, который, начинаясь отъ верхней части лба, захватывалъ верхнюю губу и придавалъ ему чрезвычайно воинственный видъ; остатки сѣдыхъ волосъ, принявшіе отъ времени какой-то неопредѣленный, бронзовый блескъ, закрывали до половины небольшой ранжевый воротничекъ его форменнаго вицмундира; длинный рядъ медалей, разной величины и формы, и въ томъ числѣ большая Очаковская, покрывалъ грудь старика и ясно говорилъ каждому, что онъ былъ когда-то Екатерининскимъ служакою;—*Георгіевскій крестъ*, щеголевато прикрѣпленный къ петлицѣ широкою лентою, довершалъ портретъ героя.—На сей послѣдній крестъ было кажется устремлено всё вниманіе старца: онъ занимался имъ, какъ занимается семнадцати-лѣтняя дѣвушка свѣжимъ розаномъ, приколотымъ къ ея груди рукою возлюбленнаго, и безпрестанно, то съ гор-

достію поправлялъ его, то вовсё вынималъ изъ петлицы сюртука и снова завязывалъ бантъ съ заботливостію и тщаніемъ кокетки. Въ это время глаза его или горѣли какимъ-то огнемъ восторга, или на нихъ блистала слеза, сопровождаемая вздохомъ. — Положеніе старика такъ заинтересовало меня, что я не спускалъ съ него глазъ и часто не впопадъ отвѣчалъ своимъ собесѣдникамъ. Отецъ хозяйки, замѣтивъ мое любопытство, наконецъ обратилъ разговоръ на этотъ предметъ. »Васъ кажется удивляетъ нашъ старый воинъ? сказалъ онъ. — Подобное любопытство для насъ уже не ново: поступки его обращаютъ вниманіе многихъ проѣзжихъ, но не многіе догадаются, что старикъ.... вы меня понимаете?.. при этомъ онъ сдѣлалъ на воздухѣ кругъ около своего лба.« — Понимаю, сказалъ я вполголоса: онъ помѣшанъ....

»Вы отгадали, — но его помѣшательство довольно интересно.«

— »Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ

вы навѣрно подѣлитесь со мной тайною его сумасшествія, если она вамъ хорошо извѣстна?..

»Кому же и знать, господинъ честной, когда я былъ свидѣтелемъ всего случившагося; притомъ же онъ мнѣ близкій родственникъ — родной братъ моей покойной матушки.... Прошу покорно еще стаканчикъ чайку, а я между тѣмъ разскажу вамъ эту оказію....

—Но не обезпокоитъ ли этотъ разсказъ, вашего страдальца?

»Нисколько — онъ не обратитъ на насъ даже и вниманія. Георгіевскій крестъ — единственный предметъ, которымъ онъ занимается. Повторяю вамъ, что его сумасшествіе необыкновенное.

Радушный хозяинъ такъ заинтересовалъ меня своимъ предисловіемъ, что я, не прерывая его болѣе вопросами, убѣдительно просилъ начать разсказъ — и онъ на-

чалъ: »Надобно вамъ сказать, сударь, что старику идетъ уже девятый десятокъ, и только въ послѣднее время часто повторяющіяся немощи предали ему такой дряхлый видъ; но если бы вамъ случилось видѣть его лѣтъ пять, много шесть тому назадъ, вы не сказали бы ему болѣе шестидесяти— такъ онъ былъ бодръ и мужественъ. Изстари вся наша семья слыветъ коренными панскими торговцами, и дядюшка въ свое время былъ однимъ изъ лучшихъ; но судьба назначила ему другое поприще, и онъ поступилъ за семейство свое въ военную службу; это было давно—онъ служилъ еще въ царствованіе блаженной памяти Государыни Екатерины II-й, при великомъ Суворовѣ и лично былъ извѣстенъ батюшкѣ Александру Васильевичу. Болѣе двадцати лѣтъ о немъ не было никакого извѣстія; наконецъ онъ вышелъ въ чистую и возвратился на родину, какъ сами изволите видѣть, не безъ доказательствъ о своей храбрости, но къ украшенію его не доставало широкаго рубца на лицѣ, и на груди Георгіевскаго кре-

ста, который теперь составляетъ всё его счастіе.—Вскорѣ послѣ возвращенія старика на родину, я лишился родителей, и онъ, по собственнымъ словамъ, не желая быть тунеядцемъ, принялъ на себя надзоръ за хозяйствомъ: цѣлый день его можно было видѣть занятаго работою, а вечеромъ онъ усаживался въ свое кожаное кресло, и въ кругу семейства разсказывалъ намъ о быломъ, да о прошломъ: о томъ, какъ онъ служилъ подъ командою славнаго Суворова; какъ Графъ Александръ Васильевичъ, будучи однажды свидѣтелемъ его храбрости, потрепалъ по плечу и сказалъ: ,,помилуй Богъ, молодецъ!"—Правду сказать, было чего послушать! потѣшилъ бы, батюшка, онъ и васъ своими повѣстями, ка-бы судьба не отняла у него ума-разума. — Но вотъ насталъ достопамятный 1812 годъ, и старикъ дядя мой не утерпѣлъ: лишь только услышалъ онъ манифестъ покойнаго Императора — давай чистить старое ружье; мы его уговаривать, куда тебѣ—и слышать не хочетъ! — Случилось на этотъ разъ проходить черезъ

городъ нашъ партіи ратниковъ; старикъ и увязался съ ними, отслужилъ молебенъ, поплакалъ, простился и пошелъ. — Богъ привелъ его и съ супостатами подраться, и ему же угодно было сохранить его жизнь; за то мѣткая Французская сабля начертила ему на лицѣ порядочный рубецъ. Старикъ, выздоровѣвши отъ раны, по прежнему началъ заниматься хозяйствомъ, по прежнему разсказывалъ намъ свои подвиги, по прежнему былъ веселъ; а если иногда и сокрушался, то единственно мыслію, что Господь не приведетъ его увидѣть батюшку-Государя, и частенько порывался идти либо въ Москву, либо въ Питеръ, чтобы хоть взглянуть на *ненаглядтаго*, какъ говорилъ онъ.

Какъ внезапно разнеслась молва въ народѣ, что Императоръ Александръ Павловичь изволилъ выѣхать изъ столицы и пожалуетъ въ С*** губернію, а мимоѣздомъ осчастливитъ своимъ высокимъ присутствіемъ и нашъ городъ. Съ этой минуты у всѣхъ насъ была одна мысль, одно

желаніе — увидѣть батюшку-Государя, и мы день и ночь молили Всевышняго о дарованіи ему благополучнаго пути; опасались только одного, что прошедшій слухъ окажется несправедливымъ; но не даромъ говорятъ, что гласъ народа — гласъ Божій! и вотъ мы дѣйствительно дождались этой радости: получено формальное извѣстіе, что Государь будетъ въ такой-то день, и съ утра весь городъ былъ на ногахъ. — Толпы народа двигались туда и сюда: одни спѣшили за заставу, въ которую долженъ былъ въѣхать общій отецъ нашъ, другіе толпились около собора, гдѣ ожидало его духовенство съ крестами и со св. водою. Около полудня раздавшійся колокольный звонъ, возвѣстилъ прибытіе Государя, но въ то же время въ другой части города послышались частые звуки набата, и вскорѣ за тѣмъ поднявшійся густой дымъ и крики: пожаръ, пожаръ!.. разрѣшили загадку. — Народъ былъ въ недоумѣніи, что предпринять: бѣжать ли на встрѣчу къ обожаемому Монарху, или спѣшить на помощь?

Въ то время, господинъ честной, еще была не то, что нынѣ, пожарная команда; и по губернскимъ-то городамъ, нечего сказать, была очень плохонька, и, при несчастныхъ случаяхъ, всякій, кто только былъ въ силахъ, спѣшилъ помогать своему сосѣду. Нѣсколько минутъ любовь подданнаго къ своему Государю и обязанности христіанина къ ближнему вели борьбу въ душѣ каждаго изъ насъ, и Богъ вѣсть которое бы чувство взяло верхъ, если бы самъ Государь-батюшка не подалъ намъ примѣра собою: прискакавшій конный извѣстилъ, что Его Величество, въѣхавши въ городъ, прямо изволилъ отправиться на пожарище, и, въ одно мгновеніе, весь городъ былъ уже тамъ....

Горѣлъ домъ бѣдной вдовы, почти на самомъ краю города, и бывшій въ то время порывистый вѣтеръ, усиливая пламя, грозилъ убѣжищу несчастной совершеннымъ разрушеніемъ. Какъ теперь смотрю я на великаго Государя, который, вышедши изъ экипажа, въ дорожномъ платьѣ,

запылешый, своимъ примѣромъ и приказаніями ободрялъ народъ; искры пожара достигали его священной особы, но онъ не отступалъ ни на шагъ отъ пожарища, и на неоднократныя замѣчанія бывшаго при немъ Графа Л., съ улыбкою отвѣчалъ: »я часто бывалъ въ огнѣ!«... Вскорѣ въ толпѣ народа раздались вопли и въ слѣдъ за тѣмъ показалась молодая женщина: ея безпорядочная одежда, сыпавшіеся по плечамъ волосы, блѣдность лица и мутные взгляды — невольно заставили толпу разступиться, и она, упавши почти безъ чувствъ къ ногамъ Монарха, зарыдала.... Государь тотчасъ узналъ въ несчастной бѣдную вдову, хозяйку дома, и, вѣроятно полагая, что потеря послѣдней собственности довела ее до подобнаго положенія, приказалъ поднять ее съ земли и ласково сказалъ: »успокойся, не плачь и вѣрь мнѣ, что ты не останешься безъ крова. — Несчастная снова упала къ ногамъ Государя: »Не надобно, Государь! вскричала она: пусть горитъ всё, пусть я останусь безъ куска хлѣба, только спаси его, отдай мнѣ

моего сына!«—Твоего сына, спросилъ Императоръ, но гдѣ же онъ? Несчастная молча указала на пылающій домъ и, не произнеся ни одного слова, залилась слезами. Немедленно отданъ былъ приказъ, во что бы ни стало — спасти ребенка, и я ужь никогда не забуду того положенія, въ какомъ находился тогда самъ Монархъ: съ какимъ безпокойствомъ слѣдилъ онъ за дѣйствіями бросившагося по его приказанію народа, и съ какимъ грустнымъ видомъ, обращаясь къ своей свитѣ, произнесъ: »какъ жаль будетъ мнѣ, если эта бѣдная женщина лишится сына: въ душѣ моей останется всегда сожалѣніе, что я не въ силахъ былъ помочь ей....« Едва Государь успѣлъ выговорить, какъ на пылающемъ крыльцѣ зданія показался старикъ съ трехлѣтнимъ ребенкомъ, который въ безпамятствѣ лежалъ на рукахъ его. Этотъ старикъ, господинъ честной, былъ мой дядя, котораго вы видите передъ собою. Несчастная мать, увидѣвши сына, бросилась впередъ, схватила его на руки и потомъ, снова подбѣжавши къ Государ-

рю, положила ребенка къ ногамъ Монарха, прося о помощи. Старикъ, сдавши свою ношу, также лишился чувствъ. Надобно было видѣть, съ какимъ участіемъ Государь занимался подачею пособія то тому, то другому изъ страждущихъ, какъ безпрестанно упрашивалъ медиковъ употребить всѣ возможныя средства къ ихъ спасенію; наконецъ, къ величайшему удовольствію Монарха, старикъ пришелъ въ себя и поднялся на ноги, а вскорѣ и ребенокъ, открывши глаза, протянулъ къ матери съ улыбкою ручонки.—Опять скажу, чтобы понять вполнѣ умилительную картину, которой мы были тогда свидѣтелями — надобно видѣть ее, а для описанія я не найду словъ: обрадованная вдова бросилась обнимать оплакиваемаго сына, ребенокъ обвивалъ рученками шею матери—оба плакали отъ радости; самъ Государь былъ растроганъ; онъ, снявъ фуражку, набожно поднялъ къ небу глаза, и слеза сверкнула на его рѣсницахъ. Народъ кругомъ рыдалъ.....

Приласкавши ребенка и повторивши матери, чтобы не сѣтовала о потерянномъ

и что она не будетъ забыта, Государь Императоръ подошелъ къ моему дядѣ. »Добрый старикъ, сказалъ онъ, потрепавши его по плечу: я обязанъ тебѣ этими счастливыми минутами, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти; не говорю о твоей неустрашимости, потому, что никогда не думалъ иначе о Русскомъ солдатѣ; но будь увѣренъ, что сегодняшній поступокъ твой не останется безъ награды....« Старикъ стоялъ вытянувшись и смѣло отвѣчалъ: »я исполнилъ только долгъ христіянина и священную волю Государя: Да и какой Русской, В. И. В., не почтетъ за счастіе умереть въ глазахъ своего Царя!«

—Сколько тебѣ лѣтъ, старина?

»Идетъ уже восьмой десятокъ, В. В.

—Давно въ отставкѣ?

»Давно, Государь! Отпущенъ въ чистую еще во времена блаженной памяти Великой Государыни Екатерины Алексѣевны....

Тутъ Монархъ сдѣлалъ старику нѣсколько вопросовъ о тогдашней службѣ, о настоящемъ житьѣ, и наконецъ спросилъ: »А въ какомъ сраженіи, старикъ, ты получилъ этотъ рубецъ, который такъ тебѣ къ лицу?«

—Въ 1812 году.

»Но вѣдь ты былъ тогда въ отставкѣ; притомъ же твои преклонныя лѣта......

—В. В.! да развѣ я не Русскій солдатъ и могъ сидѣть сложа руки, когда священный голосъ твой, Государь, призывалъ всѣхъ вѣрныхъ дѣтей отечества подъ свои знамена. Время ли тутъ было думать объ отставкѣ и о лѣтахъ? — Когда я услыхалъ манифестъ В. В., то помолодѣлъ снова, присоединился къ первой партіи ратниковъ, успѣлъ подраться съ супостатами, да, къ сожалѣнію, Французская сабля некстати оцарапала меня больно неосторожно, и я попалъ въ госпиталь; а когда выздоровѣлъ, то было уже поздно; врагъ бѣжалъ

и я побрелъ по прежнему на покой, гдѣ и теперь еще лежу на боку, безъ всякой пользы, подобно ржавому булату.

»Ты уже довольно послужилъ въ свою очередь, старина; но почему, скажи, не требовалъ никакой награды за свою рану?..

—Пустая царапина не стоила никакой награды, Государь, а получивши ее, я и охъ не молвилъ—до свадьбы заживетъ, подумалъ себѣ, да и рукой махнулъ!

Эта шутка въ устахъ старика, стоявшаго одною ногою въ могилѣ, заставила Государя улыбнуться. »Вотъ настоящій Русскій солдатъ, сказалъ онъ, относясь къ Графу Л*: »а съ тобою мы еще увидимся, старина, присовокупилъ онъ, обращаясь къ дядѣ: я заѣду къ тебѣ и ты познакомишь меня съ своимъ семействомъ.

Государь сѣлъ въ экипажъ и приказалъ ѣхать къ собору; весь народъ за нимъ послѣдовалъ; здѣсь, по обыкновенію, встрѣ-

ченный духовенствомъ и приложившись ко кресту, онъ вошелъ въ храмъ и долго и усердно молился, колѣнопреклоненный, предъ иконою Богоматери— *Взысканіе погибшихъ*... Чрезъ часъ времени, экипажъ Императора остановился подлѣ нашего дома и Государь вошелъ со всею свитою въ эту самую комнату, гдѣ мы съ вами, господинъ честной, ведемъ рѣчь. По Рускому обычаю, мы встрѣтили отца своего хлѣбомъ и солью, и Е. В. ласково принявши приношеніе и, ознакомившись со всѣмъ семействомъ, сказалъ каждому изъ насъ нѣсколько ласковыхъ словъ, а потомъ изволилъ потребовать себѣ *солдатскій* завтракъ.—Разумѣется, мы не могли угостить дорогаго Гостя заморскими, изысканными яствами, но онъ, отецъ нашъ, былъ доволенъ самымъ простымъ и немногимъ, изволилъ кушать и даже хвалилъ хозяйку за искусство.—Между тѣмъ время, отъ времени распрашивалъ старика моего дядю о его солдатскомъ житьѣ-бытьѣ.

По окончаніи завтрака, Государь сказалъ: »Знаешь ли, старина, что всякая кап-

ля Русской крови, пролитая въ 1812 году, дорога для меня: то была брань великая, священная; но въ спискѣ храбрецовъ не доставало еще одного, котораго я теперь нашелъ, и не упущу случая, чтобы не надѣть на грудь его креста, который давно по всѣмъ правамъ ему принадлежитъ. — При сихъ словахъ Государь всталъ съ своего мѣста и, быстро подошедши къ старику, своими царственными руками вдѣлъ въ петлицу его форменнаго сюртука — *Георгіевскій крестъ*, который вы теперь на немъ видите. »А это, продолжалъ Государь, взявши у графа Л* свертокъ ассигнацій: эта тысяча рублей, которую я дарю тебѣ за твой сегодняшній поступокъ, пригодится на приданое твоей внучкѣ.....

Старикъ зарыдалъ и упалъ къ ногамъ Монарха. »Отецъ-Государь! вскричалъ онъ: прости старику эти слезы, которыя какъ-то нейдутъ къ его сѣдымъ усамъ! Ты своими милостями изъ закоренѣлаго служаки сдѣлалъ слабаго ребенка, — а Русскій

солдатъ словами благодарить не умѣетъ.— Позволь же плакать мнѣ, Государь, плакать сколько душѣ угодно, и облобызать священныя стопы твои!« И онъ осыпалъ поцѣлуями ноги Государя....

—Не имѣешь ли ты еще какой нибудь просьбы? говори смѣло... спросилъ Императоръ, поднимая его съ земли.

»Имѣю, сказалъ старикъ, отирая слезы: имѣю одну послѣднюю просьбу, но уже не къ тебѣ, Царь земной, а къ Нему — Царю Небесному, будетъ послѣдняя моя молитва...,

—Чего же будешь ты просить у Господа? спросилъ Государь съ свойственною ему ангельскою улыбкою.

»Смерти, Государь, смерти, потому, что мнѣ уже нельзя ожидать въ этой жизни бóльшаго счастія. — Умереть желаю я, и умирая скажу: »нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко!....«

Государь былъ снова растроганъ; слеза блеснула на его ланитахъ; но желая скрыть свое душевное волненіе, онъ обнялъ ста-

рика и поцѣловалъ его въ голову; потомъ ласково простился съ нами и быстро вышелъ изъ комнаты.

Громкое ура возвѣстило отъѣздъ Государя... Нужно ли прибавлять къ этому, что и бѣдная вдова получила отъ щедротъ Государя вспомоществованіе, далеко превышающее понесенную ею потерю.

Болѣе десяти лѣтъ прошло послѣ этого событія; вотъ уже не стало и отца— Государя, но память о милосердіи его хранится въ душахъ нашихъ. — Никто не умѣлъ такъ складно пересказать этого случая, какъ бывало разсказывалъ старикъ мой дядя; къ несчастію, нѣсколько лѣтъ онъ находится въ такомъ положеніи, въ какомъ вы его видите, и это случилось вотъ какимъ образомъ: само собою разумѣется, что лѣта старика сами по себѣ уже вели его къ дряхлости и разстройству ума, но живя покойно, онъ былъ и бодръ, и веселъ иногда какъ ребенокъ, когда вспоминалъ о милосердіи Государя. — Вдругъ ужасная, неожиданная вѣсть о кончинѣ

Императора подобно молніи разлилась по Россіи; скорбямъ и сѣтованію не было конца, и старикъ не перенесъ этого извѣстія: жестокая горячка была слѣдствіемъ слезъ и неутѣшной горести о кончинѣ Царя-благодѣтеля, и хотя Господь поднялъ его съ одра болѣзни, но разсудокъ его уже не возвращался. — За то въ самомъ сумасшествіи своемъ онъ счастливъ: живя одною мыслію о благодѣяніи, оказанномъ ему покойнымъ Монархомъ, онъ молчаливъ, тихъ, задумчивъ; съ утра до вечера вы увидите его, какъ и теперь, занятаго безпрестанно своимъ Георгіевскимъ крестомъ; было время, когда онъ бывало готовъ протолковать съ вами цѣлый день; но теперь, если спросите его о крестѣ, онъ посмотритъ на васъ пристально, потомъ поцѣлуетъ крестъ, прижметъ его крѣпко къ груди и прослезившись скажетъ: »возьмите всё, но не разлучайте меня съ нимъ, не разлучайте и послѣ смерти—я возьму его съ собою и съ нимъ явлюсь *на послѣднюю перекличку*!« Болѣе отъ него вы не услышите ни слова.

Такъ почтенный хозяинъ мой кончилъ разсказъ, а на другой день, отдохнувши послѣ дороги, я распростился съ гостепріимнымъ семействомъ и болѣе никогда не видалъ ихъ... но образъ старика съ его неподвижною физіогноміею, съ его Георгіевскимъ крестомъ еще и теперь какъ будто предъ мною; а приводя на память случившееся съ нимъ событіе, разбирая положеніе старика, счастливаго милостями Государя, невольно недоумѣваешь: должно ли удивляться милосердію Благословеннаго, или благоговѣть предъ благостію Провидѣнія, пославшаго Россіи — *Ангела кротости!*

Что остается намъ прибавить къ замѣчанію добраго провинціала, какъ только не лестную увѣренность, что Европа, въ продолженіе своего существованія, видѣла много Государей и мудрыхъ, и вѣщихъ, и великихъ. — но одна только Россія имѣла Благословеннаго!...

1818.

II.

ПРИГОЖІЙ ОФИЦЕРЪ

ВЪ БѢЛОЙ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ФУРАЖКѢ,

или

УСЕРДНАЯ МОЛИТВА

предъ иконою Св. Николая.

„Глядишь—душа въ Твоихъ очахъ,
„Речешь—душа въ Твоихъ словахъ...

Кн. З. Волконская.

ПРИГОЖІЙ ОФИЦЕРЪ

ВЪ БѢЛОЙ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ФУРАЖКѢ,

или

УСЕРДНАЯ МОЛИТВА

ПРЕДЪ ИКОНОЮ СВ. НИКОЛАЯ.

(Разсказъ Московскаго старожила) (*).

»Онъ тамъ, гдѣ времени конецъ,
»Гдѣ злобѣ бурь мірскихъ предвѣчная
препона,
»На что Ему здѣсь бренная корона?
»Безсмертному—безсмертный и вѣнецъ!
Княгиня З. Волконская.

Скоро десять лѣтъ, какъ я оставилъ свою родину и простился съ живописны-

(*) Разсказъ этотъ былъ уже напечатанъ мною въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, подъ названіемъ: *Черта изъ жизни Благословеннаго.* См. Моск. Вѣд. 1843 года, Мартъ мѣсяцъ, №№ 33-й и 34-й.

ми берегами величественной Волги; скоро десять лѣтъ, какъ я впервые привѣтствовалъ улыбкою радости бѣлокаменную: но сильныя впечатлѣнія, наполнявшія тогда мою душу, глубоко врѣзались у меня въ памяти, и съ тѣхъ поръ по сіе время старушка-Москва для меня такъ же занимательна, такъ же нова, какъ будто бы вчера только я увидѣлъ ее. — И теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, я не пропускаю ни одного праздника, чтобы не побывать въ стѣнахъ златоглаваго Кремля. — Тамъ, забывая о мелочныхъ житейскихъ суетахъ, я люблю прислушиваться къ священному гулу, которымъ исполинъ-колоколъ призываетъ богомольныхъ Москвичей къ утренней молитвѣ; тамъ, въ нѣдрахъ св. соборовъ, среди царственныхъ гробницъ, я люблю предаваться размышленіямъ о неисповѣдимыхъ судьбахъ Всевышняго, возвеличившихъ нашу Россію, или, вмѣшавшись въ толпу добрыхъ Московскихъ старожиловъ, слушать ихъ патріархальныя бесѣды, ихъ занимательные разсказы о нашествіи Наполеона, о бѣдствіяхъ Москвы,

о милосердіи своихъ Вѣнценосцевъ. Здѣсь-то любопытныя отечественныя преданія льются обильною рѣкою; здѣсь-то услышишь много такого, что могло бы занять лучшую страницу Исторіи народа Русскаго.

Съ мѣсяцъ тому, отправясь по обыкновенію своему въ Кремль, я любовался на пестрыя группы богомольцевъ, ожидая кого нибудь изъ своихъ старыхъ знакомыхъ, чтобы снова завести историческую бесѣду, — какъ вниманіе мое привлекъ человѣкъ, лѣтъ около сорока, съ черною окладистою бородою, который, заложивши руки назадъ, неподвижно стоялъ передъ царь-колоколомъ, мѣряя исполина любопытнымъ взоромъ. — Полное, румяное лице его сіяло здоровьемъ, а лисья щеголеватаго покроя кирейка и высокая бобровая шапка доказывали, что это былъ *зажиточный Москвичь*. — Какое-то особенное предчувствіе невольно заставило меня познакомиться съ этимъ человѣкомъ, и я подошелъ къ нему, съ намѣреніемъ заве-

сти разговоръ. — Брадатый наблюдатель окинулъ меня глазами съ ногъ до головы, но, вѣроятно, новый бурнусъ мой рекомендовалъ меня не съ выгодной стороны, и Русскій человѣкъ, послѣ минутнаго наблюденія, должно быть почелъ меня за иностранца, отвернулся и преспокойно продолжалъ любоваться царь-колоколомъ. — Желая прервать упорное молчаніе интереснаго незнакомца, я, какъ будто безъ умысла, началъ читать вслухъ надпись на массивномъ пьедесталѣ колокола, и эта уловка имѣла желаемый успѣхъ: молчаливый Москвичь наивно улыбнулся.

— *Пребылъ въ землѣ сто и три лѣта,* — сказалъ онъ, повторяя за мной слова и покачивая головою: — сто и три лѣта, — шутка сказать! А что, господинъ честной, имени-отчества вашего не знаю, чай, не въ противность будь сказано, этакой махины въ чужихъ земляхъ и не найдешь? Да, правду-матушку сказать, и у насъ, на Руси, носились слухи объ этомъ колоколѣ диковинные! Право такъ-съ! продол-

жалъ онъ, замѣтивъ, что я улыбнулся:— старики наши говорили, что колоколъ вынуть изъ земли нельзя, и что еще въ царствованіе блаженной памяти Императора Павла Петровича принимались за дѣло, да вишь колоколъ-то и пошелъ въ землю еще глубже: какъ вы объ этомъ думаете?

»Я думаю, это одни только суевѣрные слухи,— отвѣчалъ я, — и нелѣпость ихъ достаточно опровергается тѣмъ, гдѣ мы теперь видимъ колоколъ; а чтобы сдѣлать это чудо, нужно было не волшебство, но только могучее слово Русскаго Царя.

—Истинная правда, батюшка,—подхватилъ незнакомецъ — истинная правда! Слово царское —дѣло великое: ему земля и море повинуются — Ужь-то ли не пострадала матушка-бѣлокаменная въ двѣнадцатомъ году—тяжело и вспомнить! а посмотрите, теперь и слѣдовъ нѣтъ бывшаго пожара. Грустно было Вѣнценосцу смотрѣть на развалины первопрестольной, и отеческое сердце Благословеннаго успокоилось только тогда, какъ бѣло-

каменная старушка наша снова разрядилась что твоя молодая невѣста: изъ пепла возникли зданія еще красивѣе, Божіи храмы стали великолѣпнѣе, народъ снова принялся за дѣла свои — и горя какъ не бывало. — Вотъ какъ могуча священная воля Помазанника Божія, и какъ онъ любитъ народъ свой! Да, господинъ честной, мнѣ это извѣстно лучше кого другаго. Теперь, какъ видите, слава Богу, кой-что имѣемъ, живемъ въ своемъ домишкѣ, ведемъ торговлю съ Питеромъ, хлѣбъ-соль съ людьми хорошими, а Богъ вѣсть, что было бы со мною, если бы не Государь-батюшка! Ораторъ остановился и глаза его наполнились слезами: какое-то сладостное воспоминаніе волновало его душу. — Это было давно, — началъ онъ снова, отирая краснымъ платкомъ катившіяся по щекамъ слезы, — это было давно, но развѣ только гробовая доска заставитъ забыть такую оказію...

—Вы вѣрно не откажетесь объяснить мнѣ любопытный этотъ случай? — обратился я съ просьбой къ незнакомцу.

Предложеніе мое было принято; онъ не заставилъ меня повторять просьбу, и, приподнявъ шапку, въ знакъ согласія, началъ: Покойный отецъ мой былъ коренной Московскій житель, старинный торговецъ и, какъ могу припомнить, семейство наше жило въ довольствѣ; но нашествіе Французовъ лишило насъ всего. Отецъ мой со старшимъ братомъ оставались тогда въ Москвѣ, гдѣ и погибли, разстрѣлянные непріятельскими мародерами.— Такимъ образомъ я еще на восьмомъ году остался сиротою, съ больною, престарѣлою матерью, безъ куска хлѣба и безъ подпоры. — Бѣдная должна была, не смотря на свое слабое здоровье, работать съ утра до ночи, чтобы прокормить себя и сына, потому что я былъ тогда плохой работникъ. — Такъ прожили мы около шести лѣтъ.— Настал ъ достопамятный 1818 годъ; въ столицу ожидали Государя, и вскорѣ желанія Москвичей исполнились — орелъ нашъ поднебесный прилетѣлъ. — Москва волновалась; у всѣхъ было одно желаніе—видѣть Благо-

словеннаго — всѣ: и старъ и младъ, спѣшили въ Кремль; одинъ я не могъ бѣжать туда, куда призывало меня сердце: старушка мать моя лежала на смертномъ одрѣ. — Эхъ, сударь, какъ вспомню, такъ и теперь еще становится грустно! .. Въ это самое время безпомощное положеніе матушки и нищета вынудили меня...... стыдно сказать, да грѣхъ и утаить...... вынудили меня испрашивать подаянія. Другихъ средствъ не оставалось: ремесла я никакого не зналъ, продать было нечего, и у бѣдной больной не было ничего, кромѣ воды, да черстваго хлѣба. — Помолясь иконамъ, я вышелъ изъ дому; но признаться, чѣмъ болѣе удалялся отъ своей бѣдной хижины, тѣмъ болѣе терялъ присутствіе духа. При одной мысли, что я долженъ протянуть руку для милостыни — сердце мое обливалось кровью. Въ горестныхъ размышленіяхъ я незамѣтно подошелъ къ Никольскимъ воротамъ, надъ которыми сіялъ ликъ Св. Угодника, ознаменованный чудомъ, случившимся въ 1812 году. — Народъ толпами стекал-

ся въ Кремль: всѣхъ влекло одно ревностное желаніе видѣть отца-Государя; только я несчастный спѣшилъ туда — совсѣмъ за другимъ. — Я чувствовалъ свое ничтожество, я чувстовалъ, что своимъ постыднымъ намѣреніемъ какъ будто отравляю и оскорбляю всеобщую радость.... и здѣсь рѣшительность совершенно меня оставила: я упалъ на колѣни предъ иконою Николая Чудотворца, и слезы ручьемъ полились у меня изъ глазъ. —Никогда я не молился такъ усердно, и никогда молитва не приносила мнѣ такого успокоенія: какъ будто Св. Угодникъ услышалъ мои просьбы! Я отеръ слезы и, съ твердымъ намѣреніемъ помочь бѣдной матушкѣ, рѣшился на всякое униженіе; но лишь только приподнялся съ земли, какъ увидѣлъ не подалёку отъ себя Офицера въ военной шинели и бѣлой фуражкѣ; онъ пристально смотрѣлъ на меня, и улыбка добродушія сіяла на прекрасномъ лицѣ его.

Я былъ отъ природы несмѣлый, неопытный ребенокъ, а нищета и уединен-

ная жизнь, которую проводилъ при матери, не видя свѣта, сдѣлала меня еще болѣе робкимъ; однакожь улыбка пригожаго Офицера, который не спускалъ съ меня глазъ, нисколько меня не смутила; какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что я найду въ немъ покровителя, и я рѣшился разсказать ему свои несчастія; но незнакомецъ предупредилъ меня.

— О чемъ ты плачешь, бѣдный малютка? — сказалъ онъ, подошедъ ко мнѣ и ласково потрепавъ меня по плечу. Я видѣлъ, ты молился, и молился со слезами: неужели, въ твои лѣта, ты уже знаешь несчастіе?..

» Я не о себѣ, баринъ, плакалъ: бѣдная мать моя не встаетъ съ постели, — отвѣчалъ я смѣло, — а у меня нѣтъ никакихъ средствъ помочь ей.... и она, несчастная, не смотря на болѣзнь свою, принуждена довольствоваться однимъ черствымъ хлѣбомъ съ водою.

— Стало быть, у васъ нѣтъ родственниковъ, которые бы помогли вамъ?

»Никого, Ваше Благородіе! Батюшка и старшій братъ мой погибли еще въ двѣнадцатомъ году: ихъ разстрѣляли непріятельскіе мародёры.

— За что же ихъ разстрѣляли?

»Вотъ изволите видѣть—разбойники подозрѣвали, что они зажигатели.

— А развѣ это была неправда? — спросилъ меня Офицеръ, привѣтливо улыбнувшись.

»Эхъ, батюшка-баринъ, — отвѣчалъ я простодушно, — неужели же лучше, если бы наше имущество попало въ руки непріятеля? Вѣдь мы, Русскіе, не звали ихъ въ гости, такъ не доставайся же и добро наше ни намъ, ни басурманамъ!

Офицеръ снова улыбнулся. — А куда ты шелъ теперь? спросилъ онъ у меня. — Я

покраснѣлъ: мнѣ стыдно было сознаться въ своемъ намѣреніи, но благодушный взглядъ, сопровождавшій вопросъ Офицера, совершенно меня обезоружилъ, и я разсказалъ ему всё чистосердечно.—Когда я кончилъ, онъ распросилъ меня, гдѣ живетъ матушка, какъ зовутъ ее, и потомъ, положивъ мнѣ что-то въ руку, сказалъ: »Ступай съ Богомъ домой, отдай это твоей матери, а мы еще увидимся!.. Я не успѣлъ придти въ себя отъ удивленія, какъ неизвѣстнаго Офицера уже не было, и я только успѣлъ замѣтить, что онъ ушелъ въ Никольскія вороты; въ рукахъ у меня лежали два золотыхъ. — Благотворительность, превышавшая всѣ ожиданія, занимала, на обратномъ пути, всѣ мои мысли, и я не шелъ, а летѣлъ съ полною надеждою, что успокою этимъ пособіемъ на нѣсколько времени бѣдную мать.

Добрая старушка, не зная, чему приписать мое отсутствіе, начинала безпокоиться, и когда я пришелъ и, отдавая ей полученныя деньги, разсказалъ подробно о

случившемся со мною, она заплакала, и первымъ словомъ ея—была молитва за неизвѣстнаго благотворителя.

На другой день, часу въ десятомъ утра, въ то время, какъ я сидѣлъ у матушкиной постели и читалъ вслухъ Св. Писаніе, дверь бѣдной каморки нашей внезапно отворилась, и пригожій Офицеръ вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдовалъ старикъ въ черномъ платьѣ. — Я бросился-было къ ногамъ неизвѣстнаго благодѣтеля, но онъ меня не допустилъ, и сѣвши возлѣ постели больной, ласково сказалъ ей:

— Мы съ сыномъ твоимъ старые знакомые: я вчера видѣлъ, какъ онъ молился усердно.

—Да! онъ добрый мальчикъ, и я люблю тѣхъ, кто любитъ Бога. — Докторъ, — продолжалъ онъ, — обращаясь къ старику въ черномъ платьѣ — посмотрите больную и пропишите ей, что надобно; да постарайтесь, употребите всё ваше искусство:

я хочу непремѣнно, чтобы она выздоровѣла!

Старикъ, котораго онъ называлъ Докторомъ, почтительно повиновался, и, послѣ обыкновенныхъ медицинскихъ изслѣдованій, обращаясь къ Офицеру, сказалъ: Будьте покойны! положеніе больной неопасно: кризисъ, какъ полагаю, кончится хорошо — ей только нужно спокойствіе.

Потомъ онъ сѣлъ и прописалъ рецептъ. Матушка, которая до сихъ поръ оставалась безмолвною зрительницею происходившаго, обратилась къ незнакомому Офицеру. — Благодѣтель мой! да благословитъ Господь милосердіе ваше, да помянетъ добрыя дѣла ваши въ день страшнаго суда..... Она хотѣла продолжать, но Офицеръ остановилъ ее. — Не плачь, сказалъ онъ — не плачь, добрая старушка: это для тебя вредно, и не благодари меня — благодари Бога, общаго нашего помощника: безъ Его милосердія всѣ наши усилія и наша помощь безполезны. Молись же Ему, и когда

Господь подниметъ тебя съ одра болѣзни, не забудь тогда помянуть въ молитвахъ своихъ *и раба Божія — Александра*! Сказавъ это, онъ скоро вышелъ изъ комнаты, а вслѣдъ за нимъ и Докторъ, который, уходя, замѣтилъ мнѣ, чтобы я поправилъ изголовье матери. — Пораженные этимъ нежданнымъ посѣщеніемъ, мы съ матушкой глядѣли другъ на друга, не говоря ни слова; но удивленіе наше еще болѣе увеличилось, когда, поправляя изголовье, я нашелъ подъ подушкою шелковый кошелекъ, и, развязавъ его, увидѣлъ, что тамъ всё золото....

На другой день утромъ Докторъ былъ снова у постели больной; посѣщенія его продолжались ежедневно, но ни я, ни мать моя не могли получить отъ него никакихъ свѣдѣній о нашемъ избавителѣ, который болѣе не являлся. — Напрасно я умолялъ почтеннаго старика открыть, кто нашъ Ангелъ-хранитель — отвѣты его были отрывисты и темны. Между тѣмъ состояніе больной поправлялось со дня на день,

и чрезъ двѣ недѣли она могла уже вставать съ постели, прохаживаться по комнатѣ и молиться на колѣняхъ предъ иконою Спасителя за спасеніе ея жизни. Однажды Докторъ пришелъ къ намъ позднѣе обыкновеннаго, и замѣтивъ, что положеніе больной уже не требуетъ его посѣщеній, сказалъ, уходя, что болѣе у насъ не будетъ. — »А вотъ это, прибавилъ онъ: прощальный подарокъ отъ вашего знакомца. Не старайтесь узнать, кто онъ такой — это безполезно; только не забывайте его въ молитвахъ своихъ: вотъ единственная благодарность, которой онъ отъ васъ требуетъ!

Докторъ положилъ на столъ еще десять полуимперіаловъ и вышелъ. Я-было за нимъ; но онъ вскочилъ въ великолѣпную коляску и быстро скрылся изъ виду.

Вскорѣ матушка моя поправилась совершенно, и я былъ радъ, Богъ знаетъ какъ, что могъ уже безбоязненно оставить ее и спѣшить туда, куда давно призывало меня сердце: мнѣ хотѣлось видѣть батюшку-

Государя, и ожидаемый день наступилъ. — Это былъ день открытія памятника Гражданину Минину и Князю Пожарскому. Не стану описывать всѣхъ приготовленій, всей торжественности этого дня; довольно, если скажу вамъ, что тутъ желалъ присутствовать самъ Благословенный (*). Рано утромъ я отправился на Красную площадь, и, выбравъ удобное мѣсто, ожидалъ начатія церемоніи; сердце мое билось отъ радости и нетерпѣнія; стеченіе народа было неимовѣрное; наконецъ вожделѣнная минута настала — Государь, въ сопровожденіи многочисленной свиты, показался изъ Никольскихъ воротъ; радостное, единогласное *ура!* грянуло въ воздухѣ, деревянный балаганъ рушился и открылъ для Москвы и потомства памятникъ, важнѣйшій по воспоминанію славы нашего отечества (**). —

(*) Открытіе происходило 12 Февраля.

(**) Памятникъ этотъ исполненъ былъ извѣстнымъ художникомъ *Мартосомъ*, подлинный портретъ котораго можно видѣть на одномъ изъ барельефовъ онаго, именно въ лицѣ старца, благословляющаго двухъ сыновей на подвигъ отечеству. В. П.

Клики народные не умолкали до тѣхъ поръ, пока великолѣпный поѣздъ приблизился къ памятнику и началось Св. Богослуженіе. — Торжественное молчаніе заступило мѣсто радостныхъ восклицаній. Царь снялъ шляпу и набожно поднялъ взоры къ Небу. — Народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на теплую молитву Помазанника Божія, но болѣе всѣхъ тронутъ и счастливѣе всѣхъ былъ—я! Эхъ, господинъ честной! не гораздъ я книжному мастерству, не умѣю говорить красно и замысловато; но то, что кроется здѣсь, продолжалъ почтенный повѣствователь, положивъ руку на сердце, — что кроется здѣсь, право не описать любому вашему ученому. Отгадайте, кого я узналъ въ батюшкѣ - Государѣ...... но вы догадываетесь: я вижу это, потому, что и у васъ хотятъ навернуться слезы! да, я узналъ въ немъ нашего благодѣтеля, нашего избавителя! Прекрасный Офицеръ, котораго я повстрѣчалъ у Никольскихъ воротъ и который посѣщалъ больную мать мою, — былъ *Благословенный!*

Скоро двадцать пять лѣтъ, какъ случилось это. Не стало батюшки-Царя, да скоро десять лѣтъ, какъ уже умерла и добрая старушка, мать моя, переживъ кончину своего благодѣтеля, но сладостныя воспоминанія еще свѣжи въ моей памяти: какъ теперь гляжу я на Него, какъ теперь еще говорю съ Нимъ, — и вотъ подарокъ Его, который я храню болѣе жизни! — Разскащикъ открылъ золотой медальонъ, который висѣлъ у него на шеѣ — въ немъ лежалъ небольшой шелковый кошелекъ. — Да! повторилъ онъ: я берегу этотъ подарокъ болѣе жизни, и передамъ его дѣтямъ вмѣстѣ съ моимъ благословеніемъ, вмѣстѣ съ разсказомъ о покровителѣ несчастныхъ, отцѣ-отечества — Александрѣ Благословенномъ!

Москвичъ, окончивъ свой разсказъ, бережно спряталъ медальонъ, и тутъ только мы замѣтили, что около насъ собралась толпа любопытныхъ. — Брадатый собесѣдникъ мой учтиво приподнялъ бобровую шапку, и съ патріархальною наивно-

стію сказалъ: »Не благоугодно ли, батюшка, раздѣлить время, то есть, мало-толику попить чайку?... Я поблагодарилъ его за приглашеніе, пожавъ ему руку за пріятную бесѣду; онъ снова поклонился — и мы разстались. — Только, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, пришло мнѣ въ голову, что я даже не спросилъ, какъ его зовутъ; но, къ сожалѣнію, было уже поздно....

Передавая любопытный разсказъ добраго Москвича читающей публикѣ, я изложилъ его безъ малѣйшихъ прикрасъ. — Надѣюсь, что онъ не будетъ лишнимъ въ страницахъ исторіи Благословеннаго, хотя и вовсе не новъ, потому что составляетъ только одинъ изъ тысячи перловъ, украшающихъ вѣнецъ благотворительности, который получилъ за добрыя дѣла свои *нашъ Ангелъ на небесахъ!*

III.

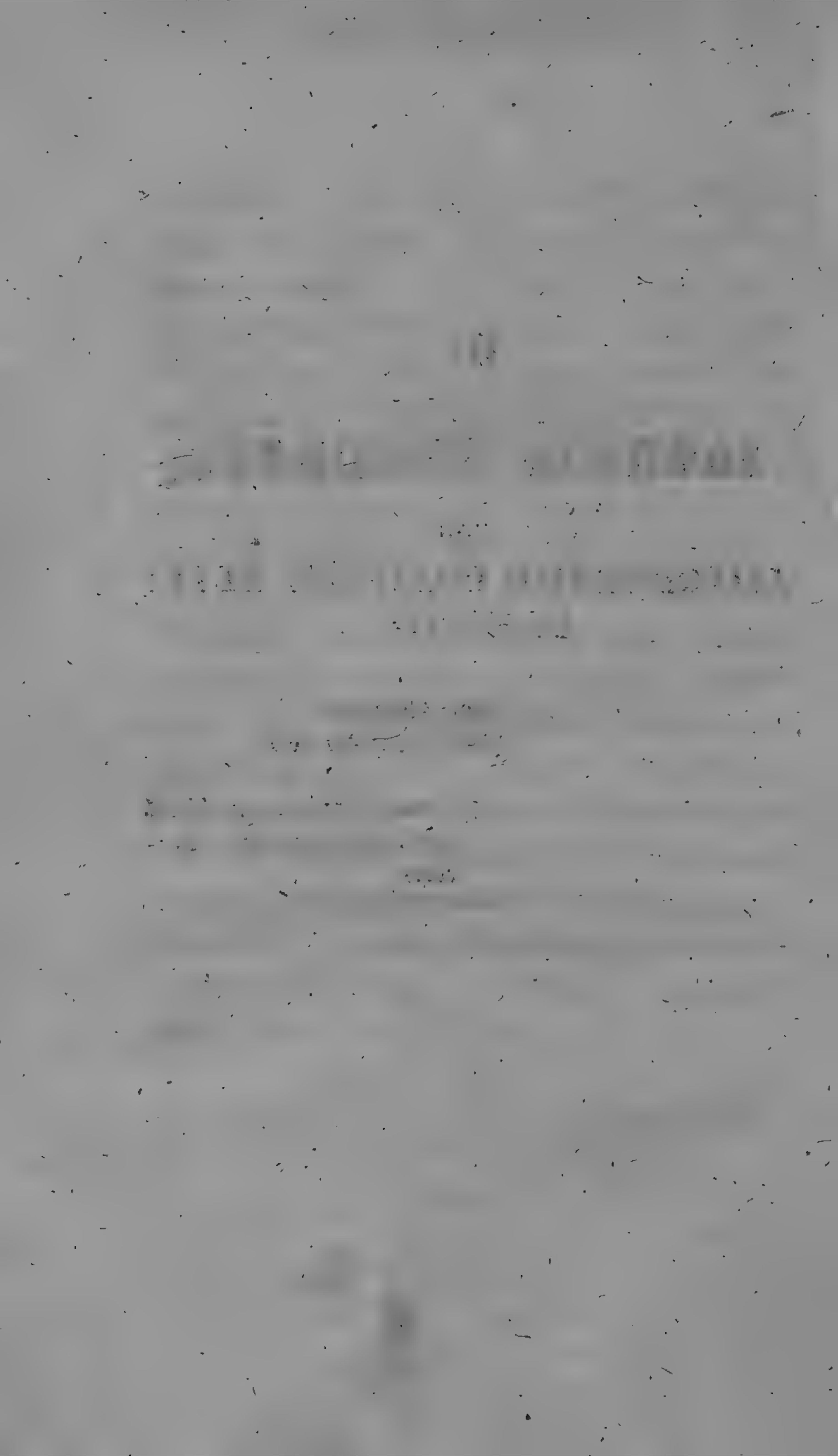
ВАСИЛІЙ ВРЕШКОВЪ,

или

ДРАГОЦѢННЫЙ ПОДАРОКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Vive Alexandre!
Vive le roi des rois!..

Стихи, пѣтые въ 1814 году, въ Парижѣ, Лансомъ.

ВАСИЛІЙ БРЕШКОВЪ,

или

ДРАГОЦѢННЫЙ ПОДАРОКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

„Оставь на время твоей великолѣпный Тронъ:
„Хвалой невѣрною Тронъ Царскій окруженъ. —
„Сокрой свой Царскій блескъ, втѣснись, безъ украшенья,
„Одинъ въ толпу, и тамъ внимай благословенья!..
„Въ чертогѣ, въ хижинѣ, вездѣ одинъ языкъ....

В. А. Жуковскій.

Вездѣ, гдѣ только былъ Благословенный, вездѣ оставилъ послѣ себя сладостныя воспоминанія, вездѣ изъ устъ народа льются благословенія за благодѣянія, оказанныя незабвеннымъ Монархомъ. Еще и теперь многіе самовидцы помнятъ почти столѣтняго старика, Черниговской губер-

нiи, Мглинскаго повѣта жителя, по имени Василья Брешкова, который, будучи облагодѣтельствованъ Александромъ Первымъ, никогда не могъ равнодушно передать свиданiя своего съ Монархомъ. Мы передадимъ здѣсь это происшествiе словами самого Брешкова:

Уже давно я и родственники мои отыскивали потерянное предками нашими дворянское достоинство, терпѣли многiя притѣсненiя, и хотя по дѣлу племянникъ мой жилъ въ Петербургѣ, но надежды къ скорому и счастливому окончанiю не предвидѣлось. Какъ неожиданно Богъ привелъ мнѣ видѣть отца-Государя и лично ему объяснить свою нужду. — Въ бытность Монарха въ г. Брянскѣ, Его Величество изволилъ остановиться въ домѣ моего родственника. На другой день, желая хоть глазкомъ взглянуть на общаго отца нашего, я принарядился въ кафтанъ, пожалованный дѣду моему Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и, вышедши на крыльцо, поджидалъ *дорогова гостя.* Вскорѣ Госу-

дарь показался и, проходя по крыльцу, замѣтилъ отличный отъ прочихъ нарядъ мой.

»*Здравствуй, дядя!* сказалъ онъ съ обыкновенною кроткою улыбкою своею, обращаясь ко мнѣ. Я поклонился. — Вскорѣ я былъ потребованъ къ Императору, и, явившись предъ его свѣтлыя очи, привѣтствовалъ, какъ умѣлъ, простыми, не льстивыми, но сердечными словами старика. — Отецъ нашъ принялъ меня ласково и завелъ рѣчь:

— Откуда вы? — спросилъ онъ.

»Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный, Черниговской губерніи, Мглинскаго повѣта житель, Василій Брешковъ! отвѣчалъ я.

— За чѣмъ вы сюда пріѣхали?

»Нарочно пріѣхалъ узрѣть священную особу Вашего Императорскаго Величества,

отдать должный мой поклонъ, а потомъ хоть и умереть. Время ужь, В. В., и костямъ на мѣсто.

— Очень вамъ благодаренъ за любов Но не имѣете ли вы ко мнѣ какого дѣла? спросилъ Государь. Я осмѣлился разсказать всё подробно, не упустилъ ничего, и поклонился. Благословенный выслушалъ всё снисходительно и потомъ сказалъ:

— Я не забуду васъ; пишите къ своему племяннику, чтобы онъ, когда я буду въ Петербургѣ, явился ко мнѣ. — А этотъ кафтанъ, прибавилъ Государь обращая вниманіе на мой нарядъ: у васъ вѣрно онъ древенъ?

»Ему 113 лѣтъ; пожалованъ предкомъ Вашего Величества, Великимъ Государемъ Императоромъ Петромъ I.

— По какому случаю?

»При взятіи Юнгферъ - Гофской крѣпости подъ Ригою.

—Какое тяжелое и крѣпкое сукно и столько лѣтъ! — прибавилъ Императоръ, щупая полу кафтана.

»Дѣдъ мой, отецъ и я храню его, какъ неоцѣненный даръ для всего нашего потомства. — Государь съ чувствомъ положилъ обѣ руки на плеча мои и заключилъ бесѣду нашу словами: — Оставайтесь покойны, и если будете имѣть какую до меня надобность, то пишите ко мнѣ прямо: Государю Императору Александру I, въ собственныя руки. Я васъ не забуду.

Императоръ дѣйствительно не забылъ Брешкова. По прибытіи въ Петербургъ, самъ изволилъ разсматривать его дѣло и рѣшилъ въ его пользу. Долго еще старикъ утѣшался воспоминаніемъ о милостяхъ Благословеннаго и разсказывалъ свиданіе свое съ Монархомъ до самой смерти своей. Услышавъ громовую вѣсть о кончинѣ Александра, онъ не могъ пережить Государя - благодѣтеля....

IV.

Госпожа де ля-Гарпъ.

Въ 1814 году, во время пребыванія Государя въ Парижѣ, Его Величество посѣтилъ супругу бывшаго воспитателя своего, Г. де ля-Гарпа, жившую бѣдно въ четвертомъ этажѣ. — Дама почтительно стояла предъ Монархомъ. »*Вы очень перемѣнились, сударыня!* сказалъ онъ. — Ваше Величество, отвѣчала она: я, какъ и прочія, много потерпѣла и пострадала отъ переворотовъ судьбы. — »*Вы меня не поняли,* прервалъ Государь съ чувствомъ: *Я хотѣлъ сказать, что вы прежде бывало сидѣли подлѣ воспитанника вашего супруга и дружески съ нимъ разговаривали. Теперь вы перемѣнились....*

V.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ
И
ПРОРОЧЕСКІЯ ИЗРЕЧЕНІЯ
МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА
о Благословенномъ.

„Александръ еще въ колыбели, радость и надежда Отечества. Александръ въ порфирородномъ Семействѣ, утѣха и любовь. Александръ въ началѣ вѣка на престолѣ, какъ солнце на востокѣ. Александръ въ Россіи — Отецъ народа, Спаситель Имперіи..."

Высокопр. Филаретъ.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ
и
ПРОРОЧЕСКІЯ ИЗРЕЧЕНІЯ
Митрополита Платона
о Благословенномъ.

»Александръ I, Императоръ Всероссійскій, родился 12 (24 н. с.) Декабря 1777 года. Онъ оказалъ съ самыхъ отроческихъ лѣтъ своихъ великую склонность къ ученію, и весьма быстрые успѣхи Его въ ономъ послужили въ тоже время къ раскрытію всей доброты Его характера, содѣлывающаго Его кумиромъ своихъ народовъ.«

С. С. Уваровъ.

Многіе замѣчаютъ, что привычки, занятія и даже забавы юношескаго возраста служатъ часто вѣрнымъ предзнаменова-

ніемъ будущаго. — Что говорится о всѣхъ людяхъ вообще, то же самое можно примѣнить и къ великимъ людямъ въ особенности: развѣ пристрастіе Великаго Петра къ морской службѣ не предвѣщало въ немъ будущаго основателя морскихъ силъ; развѣ его скромный ботикъ, на которомъ онъ катался по небольшому озеру, не сдѣлался *дѣдушкой Русскаго флота*, могущественнѣйшаго въ Европѣ? — О Карлѣ XII и Фридрихѣ II разсказываютъ, что они преимущественно любили воинскія игры и упражненія. Наполеонъ, говорятъ, любилъ строить карточные за́мки и потомъ одинимъ щелчкомъ разрушать плодъ часовыхъ занятій; — самъ онъ хохоталъ отъ души, разсказывая любимцу своему, Констану, какъ однажды малолѣтный сынъ его, уполномоченный отъ своей воспитательницы просить себѣ награду за нѣсколько часовъ, проведенныхъ имъ послушно, сказалъ: »позвольте мнѣ немножко походить по грязи!«

Все это записываетъ Исторія и изъ всѣхъ замѣчаній выводитъ свои заключе-

нія; но едва ли какая Исторія, кромѣ Русской, можетъ разсказать случай, подобный нижеслѣдующему: извѣстно, что блаженной памяти Императрица Екатерина II-я любила Государя Александра Павловича. Препоручивъ воспитаніе обоихъ Великихъ Князей Генералъ - Фельдмаршалу Салтыкову, она особенно обращала вниманіе на Александра. Часто бесѣдовала она о образѣ воспитанія его съ Княземъ Потемкинымъ - Таврическимъ; часто посылала о немъ къ сему Князю извѣстія и всегда съ особенною похвалою. Кто не знаетъ великаго генія Екатерины? Однажды, желая испытать образъ мыслей своего внука, спросила она его: что ему изъ Исторіи лучше всего нравится? — *Поступокъ Генриха IV*, отвѣчалъ Александръ Павловичъ, *когда онъ посылаетъ осажденному имъ Парижу хлѣбъ*. Екатерина обняла его и тогда еще предрекла славу его царствованія; она сказала ему: *Ты будешь Отцемъ твоихъ подданныхъ*. Вся Европа знаетъ, какъ исполнилось предсказаніе мудрой Монархини.

Александръ родился въ 1777 году. Кромѣ великихъ событій того времени, славныхъ для нашего отечества, приведемъ здѣсь пророческія изреченія Митрополита Платона, въ Словѣ, говоренномъ имъ 1777 года, Декабря 12-го, на день рожденія Монарха: *Ты будешь украшеніемъ Царскому роду, подпорою благочестія и утѣхою Россіи!* Не сбылось ли и это пророчество?

VI.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и

НАПОЛЕОНЪ, ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

»Чье имя первое въ устахъ?
»Кому гремятъ вселенной лики?
»Безъ лести, въ искреннихъ хвалахъ
»Даютъ названіе: *Великій!*
«Отечество мое! ликуй,
»И съ Александромъ торжествуй!

Н. М. Карамзинъ.

«Мечтою славы ослѣпленный,
»Чтобъ быть безсмертнымъ — убивалъ!
»Хотѣлъ всемірныя державы:
»Лишь небо Богу уступалъ...

Онъ же (о Наполеонѣ).

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И

НАПОЛЕОНЪ, ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦУЗОВЪ.

»Господь небесъ о всѣхъ печется,
»И червь Его рукой хранимъ,
»Надъ вами Царь, а Богъ—надъ нимъ!

Н. М. Карамзинъ.

Пусть Французы гордятся Наполеономъ, и мы Русскіе не оспориваемъ и не имѣемъ надобности оспоривать воинственнаго генія Наполеона; но мы очень увѣрены въ томъ, что если бы самъ Императоръ ихъ могъ встать изъ гроба, — онъ навѣрно бы согласился: сотни томовъ его кровавой исторіи промѣнять на одну свѣтлую страницу исторіи Благословеннаго.

Здѣсь предлагаемъ мы нѣсколько случаевъ, достаточно характеризующихъ и благую вѣру Александра въ Провидѣніе и дерзкую самонадѣянность послѣдняго на собственное счастіе.

На одной медали Наполеонова времени изображено Всевидящее Око съ надписью: *Тебѣ небо, мнѣ земля!*

Мы, напротивъ того, видимъ медали временъ царствованія Александра, съ изображеніемъ также Всевидящаго Ока, но съ надписью: *Не намъ, не намъ — а имени Твоему!*

Въ 1815 году предъ домомъ, занимаемымъ Государемъ Императоромъ въ Лондонѣ, во время иллюминаціи этого города, надпись на щитѣ была слѣдующая: *Единому Богу подобаетъ благодареніе!*

Въ 1825 году, 1-го Сентября, предъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, Благословенный отслушалъ съ благоговѣніемъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ молебенъ и принесъ въ даръ Святому Угоднику, коему былъ соименнымъ, жертву своего усердія: масло, ладанъ и свѣчи—такъ дѣлывали всегда Князья и Цари Русскіе... и на вопросъ камердинера: когда при-

кажетъ ожидать его назадъ, отвѣчалъ, указавши на икону Спасителя: »*Ему одному извѣстно это!*«

Вотъ какъ руководила Александромъ твердая увѣренность въ промыслъ Всевышняго!

Сколько еще есть разительныхъ примѣровъ его скромности; разскажемъ нѣкоторые:

Извѣстно, сколько гордился Наполеонъ Аустерлицкою побѣдою, по имени которой назвалъ въ Парижѣ мостъ — Аустерлицкимъ, и приказалъ сдѣлать на немъ надпись, льстившую его честолюбію. Въ 1814 году жители Парижа, восхищенные человѣколюбіемъ Александра I-го, хотѣли уничтожить эту надпись, но неподражаемый Государь, запретивъ сіе, велѣлъ только приписать: *Россійскій Императоръ съ арміею своей прошелъ по сему мосту въ 1814 году.*

Однажды, проѣзжая по Парижу, мимо высочайшаго монумента на Вандомской площади, и взглянувъ на колоссальную статую Наполеона, на немъ стоявшую, Александръ сказалъ своей свитѣ: *Еслибъ я стоялъ такъ высоко, то боялся бы, что у меня закружится голова.* Но когда восхищенные Французы, не зная чѣмъ доказать свою признательность къ великодушному Государю, бросились на эту статую и хотѣли разбить ее въ куски — милосердый Императоръ сказалъ: *я не хотѣлъ бы, чтобъ ее разрушили.* Статуя, послѣ этого, нѣсколько времени оставалась на мѣстѣ.

«Давно уже, Государь! мы ожидали и желали вашего прибытія въ Парижъ» — говорили Парижскія дамы Императору Александру. —*Я бы скорѣе прибылъ,* отвѣчалъ онъ съ лестною улыбкою, *если бы храбрость Французовъ не удерживала меня!* Такъ Монархъ нашъ щадилъ самолюбіе побѣжденныхъ...

VII.

Поступокъ крестьянина.

Въ бытность Государя Императора въ Ярославлѣ толпы народа съ утра до ночи безпрерывно находились предъ домомъ Гражданскаго Губернатора, гдѣ Его Величество остановился. Предъ вечеромъ къ крыльцу поданъ былъ экипажъ Монарха, но въ такомъ разстояніи, что Императору необходимо бы должно было пройти шага три по снѣгу. — Благословенный показался.... въ это время одинъ изъ толпы (рабочій съ полотняной фабрики), поспѣшно снялъ съ себя надѣтую, вѣроятно съ намѣреніемъ, въ накидку кирейку и подостлалъ ее подъ ноги Государя. Александръ Павловичь ласково поблагодарилъ усерднаго крестьянина, и приказавъ выдать ему 25 рублей, уступилъ настоятельнымъ его и усерднымъ прось-

бамъ, — прошелъ по постланному, сѣлъ въ экипажъ и при крикахъ *ура!* отправился. — Долго, говорятъ, разсказывалъ этотъ случай крестьянинъ, гордясь тѣмъ, что Государь удостоилъ его подобнаго счастія. Таковъ народъ Русскій!

VIII.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВЪ БАЗЕЛѢ.

»Узри сиротъ прискорбное смятенье:
»И за любовь Твою, за счастье на-
шихъ дней
»Въ потокахъ слезъ прочти благода-
ренье!

Н. Терлеевъ (на кончину Монарха).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВЪ БАЗЕЛѢ.

»Одна дама въ Кенигсбергѣ носила на »шеѣ золотой медальонъ съ вензелемъ »Александра I-го и слѣдующими многозначущими надписями, на верху: »Посланникъ Божій, а на оборотѣ; со »знаменіе спасенія рода человѣческаго.

Обозрѣвши Рейнскій водопадъ, Императоръ Александръ возвратился въ Базель (главную свою квартиру) безъ всякой свиты, въ простой коляскѣ, запряженной парою. Восхищенныя толпы Швейцарцевъ окружали Монарха. Предъ постоялымъ дворомъ, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе, поставлены были кадеты Базельскаго корпуса. Его Величество, увидѣвши кадетовъ, вышелъ изъ коляски, скинулъ шинель и пошелъ по рядамъ, изъявляя Высочайшее благоволеніе молодымъ воинамъ. Въ это время трехлѣтнее дитя, бывшее на рукахъ матери (бѣдной женщины, живщей про-

тивъ дома, занимаемаго Государемъ); прельщаясь прекраснымъ видомъ нашего Монарха и блескомъ звѣзды, дѣлало ему рученкою поцѣлуи. Императоръ, примѣтивъ это, приказалъ позвать мать съ ребенкомъ; послѣдній, увидавши Государя ближе, началъ необыкновенно къ нему ласкаться, и Благословенный подарилъ ему 25 червонныхъ.

Въ это же время пребыванія своего въ Базелѣ, Государь изволилъ вторично ѣздить къ Рейнскому водопаду съ Шафгаузенской дороги. При возвращеніи оттуда, онъ, вмѣстѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ, Екатериною Павловною, остановились въ деревнѣ Нейгаузенъ у крестьянскаго дома и вошли въ него. — Хозяйка испугалась, видя у себя такихъ Высокихъ гостей. — Государь съ дружескою улыбкою спросилъ: *»нѣтъ ли чего пообѣдать, моя милая?»* — Есть, Государь, отвѣчала она, но только самый скудный обѣдъ, котораго Ваше Величество не будете кушать—картофель и молоко... *»Для меня будетъ до-*

вольно и этого: я привыкъ къ бивачной жизни — развѣ ты забыла, милая, что я Русскій. — Обѣдъ былъ поданъ; Государь кушалъ, приказавши подать себѣ чернаго хлѣба. — Въ это время вошелъ мужъ хозяйки; Монархъ милостиво пожелалъ ему здоровья и пригласилъ всѣхъ вмѣстѣ за столъ. Послѣ обѣда онъ одарилъ щедро бѣдныхъ людей, простился съ ними, поцѣловавъ хозяина, а Великая Княгиня жену его. Такія воспоминанія Русскій Монархъ оставлялъ по себѣ и въ чужихъ земляхъ; нашимъ воинамъ часто случалось слышать отъ иноземцевъ эти лестныя слова: «*какъ вы счастливы! вы имѣете предобраго Государя!*»

IX.

ПРОСТОДУШНЫЙ ОТВѢТЪ
РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
И
ЗАМѢЧАНІЕ САКСОНСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ.

»А ты, нашъ Царь благословенный?
»Спѣши, спѣши къ странѣ своей...
»Тебя какъ солнце ждемъ душею...

Н. М. Карамзинъ.

ПРОСТОДУШНЫЙ ОТВѢТЪ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ И ЗАМѢЧАНІЕ САКСОНСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ.

»Съ сею-то любовію мы, счастливые »Первопрестольнаго града Твоего жи- »тели, срѣтаемъ Тебя днесь, съ сею-то »любовію всюду сопровождаемъ Тебя, »и гдѣ Ты, тамъ вездѣ съ Тобою и »сердце наше...

Высокопр. Митр. Серафимъ.

Иностранцы всегда съ удивленіемъ смотрятъ на тотъ восторгъ, съ которымъ мы, Русскіе, привыкли встрѣчать нашихъ Монарховъ. Этотъ восторгъ доходитъ часто до энтузіазма даже въ самомъ градѣ Св. Петра, гдѣ жители могутъ видѣть ежедневно Отца своего; нужно ли говорить о томъ, какъ встрѣчаетъ Бѣлаго Царя Москва бѣлокаменная? Какая кисть въ состояніи изобразить великолѣпныя Кремлевскія картины въ тѣ дни, когда двуглавый орелъ паритъ надъ куполомъ дворца? Какое перо можетъ передать это еди-

ногласное *ура!*, которое съ торжественнымъ гуломъ колоколовъ потрясаетъ землю?... Но, и видя эти картины, вы еще не будете имѣть полнаго понятія о восторгѣ *провинціальныхъ* жителей, которымъ суждено такъ рѣдко лицезрѣть Помазанника Божія. Здѣсь уже забываются всѣ нужды, всѣ занятія общественной жизни, о которыхъ еще хлопочутъ болѣе или менѣе жители столичные (ибо тутъ еще замѣтна обыкновенная дѣятельность), здѣсь бываетъ полное торжество, великій праздникъ!.. У всѣхъ и у каждаго одна мысль, одно желаніе, одни въ устахъ слова: видѣть, глядѣть и не наглядѣться на батюшку-Государя!...

Вотъ анекдотъ, случившійся въ губернскомъ городѣ Я**, который кстати разсказать здѣсь:

Во время бытности тамъ Императора, Его Величество, обозрѣвая всѣ достопримѣчательности, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ балъ, данный въ залѣ Благородна-

го Собранія, гдѣ находились также нѣкоторыя почетныя лица изъ купечества. Государь былъ веселъ. Разговорившись съ женою одного изъ почетныхъ купцовъ, женщиною уже не молодыхъ лѣтъ, воспитанною, какъ говорится, въ правилахъ старинпаго вѣка, но при всемъ томъ довольно умною отъ природы, онъ спросилъ ее: «ожидали ли его пріѣзда горожане и довольны ли его прибытіемъ? — Да какъ же, батюшка, В. В., отвѣчала она: не быть довольнымъ — вѣдь ты у насъ одинъ—нашъ Царь, нашъ Богъ земной!.. А ужь что ждали, такъ нечего сказать: работа на умъ не шла, цѣлую недѣлю, словно въ Свѣтлый праздникъ, пироги пекли, и только побаивались, да тихонько поговаривали: что если Государь-батюшка отдумаетъ посѣтить насъ? Анъ вотъ и исполнилось наше желаніе, ты — орелъ нашъ поднебесный, прилетѣлъ, мы-то радостны и счастливы, а тебѣ, отецъ нашъ— *Русское спасибо* и низкій поклонъ!.. При этомъ словѣ почтенная женщина низко поклонилась.

Государь чрезвычайно былъ доволенъ отвѣтомъ купчихи, и при отъѣздѣ изъ города пожаловалъ ей драгоцѣнный брилліантовый фермуаръ.

Этотъ анекдотъ напоминаетъ мнѣ также довольно простодушное, но прямо отъ души излившееся замѣчаніе Саксонской крестьянки, которое также помѣщу здѣсь, какъ не всѣмъ извѣстное. Саксонія, видя въ нѣдрахъ своихъ возстановителя ея свободы, не взирая на повелѣнія своего Короля, по неизвѣстной причинѣ державшаго сторону Бонапарте, приняла Александра съ радостными восторгами и принесла ему должную дань благодарности. Саксонцы толпились безпрестанно около своего избавителя и радостными восклицаніями старались изъявить ему свои чувства. Императоръ съ благодарною довѣренностію часто являлся между ними безъ всякой свиты. Находясь въ Дрезденѣ, онъ не рѣдко изволилъ ходить одинъ изъ занимаемаго имъ дома въ Саксонскій дворецъ, гдѣ жилъ Пруській Ко-

роль. Это было причиною, что однажды деревенская женщина, увидѣвши его идущаго пѣшкомъ безъ всякой свиты, сказала слѣдующія, простыя слова: »*Смотри-ко! вѣдь это Россійскій Императоръ идетъ такъ одинъ! Право, видно у него чистая совѣсть!*

X.

КОНТРИБУЦІЯ, НАЛОЖЕННАЯ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ НА ФРАНЦІЮ.

Въ 1814 году, одна дама въ Парижѣ сказала Русскому Офицеру: »*Какъ прекрасенъ собою вашъ Императоръ!*—«*Этого мало*, отвѣчалъ Офицеръ: *онъ добръ, и доброта его привосходитъ красоту*.

Бывшій при этомъ разговорѣ Французъ, нѣкто Г. Бибектъ, инспекторъ лѣсовъ, прибавилъ: *Императоръ Александръ налагаетъ нынѣ на Францію контрибуцію*[1], *въ платежѣ коей онъ можетъ быть увѣренъ: эта контрибуція состоитъ въ признательности сердецъ цѣлой Франціи*.

Да и какихъ другихъ отзывовъ можно было ожидать отъ Французовъ, когда Отецъ-Монархъ, вступая въ Парижъ и видя несмѣтныя толпы народа, спѣшившаго ему на встрѣчу, остановился и трогательнымъ голосомъ сказалъ: *не врагомъ вступаю я въ стѣны ваши; несу вамъ миръ и торговлю!*

XI.

ОПРОКИНУТАЯ КОЛЯСКА.

По окончаніи послѣдняго смотра войскъ въ Парижѣ, между Нейменскою заставою и Булонскимъ лѣсомъ, Императоръ Александръ возвращался въ городъ. Кучеръ Его Величества — Французъ, по неосторожности, задѣлъ за коляску одного частнаго человѣка и опрокинулъ ее. Императоръ тотчасъ вышелъ самъ изъ кареты, поднялъ хозяина коляски, извинился передъ нимъ и спросилъ его объ имени и жительствѣ. Въ 9 часовъ вечера, того же дня, Государь послалъ къ нему одного изъ своихъ Адьютантовъ, для узнанія о состояніи его здоровья; на другой же день, въ 7 часовъ утра, къ крайнему удивленію горожанина, Его Императорское Величество, чрезъ своего Адьютанта, прислалъ къ нему брилліантовый перстень, богатую коляску и прекрасную лошадь съ новыми извиненіями въ случившемся происшествіи.

Въ другой разъ, на прогулкѣ за городомъ, Его Величество примѣтилъ, что подпруга подъ сѣдломъ его ослабла. Онъ сошелъ съ лошади и притянулъ самъ сѣдло, прежде нежели отставшій отъ него лакей это замѣтилъ.

XII.

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ КУМЪ ИМПЕРАТОРА,

и

РАЗНОЩИКЪ ЯБЛОКОВЪ.

Проѣзжая въ г. Порховъ, Его Величество узналъ на Сорокиной станціи, что въ тотъ день Богъ даровалъ Станціонному Смотрителю дочь, вызвался быть крестнымъ Отцомъ, обласкалъ кума и по Царски одарилъ и его и свою счастливую крестницу.

Въ самомъ же городѣ Порховѣ, проѣзжая по улицѣ, Императоръ былъ встрѣченъ мужикомъ, разнощикомъ яблоковъ. Поровнявшись съ экипажемъ Монарха, крестьянинъ снялъ шляпу и закричалъ: *»Государь, купи у меня яблочковъ!*

»Хорошо! отвѣчалъ Благословенный, и приказавъ взять десятокъ, заплатилъ разнощику 25 рублей.

Такъ говорятъ Русскіе съ своими Отцами-Государями и такъ снисходительны Русскіе Цари къ дѣтямъ, своимъ подданнымъ!

XIII.

СУПРУГА КИРГИЗСКАГО ХАНА ШИРГАЗЫ.

Въ 1824 году, въ бытность Государя Императора въ Оренбургѣ, Его Величеству представлялись Киргизскіе Ханы и Султаны и супруга Хана Ширгазы. — Императоръ долго любовался національною одеждою Ханской супруги, а особливо ея головнымъ уборомъ, подарилъ ей богатый фермуаръ и спросилъ ее: *»Гдѣ ей болѣе нравится жить, въ Оренбургѣ, или въ степи?* Она отвѣчала: »Государь! здѣсь очень хорошо, но тамъ, гдѣ родились, кажется лучше! Монархъ вздохнулъ и возразилъ: *вы очень правы!*

XIV.

СЕРЕБРЯННАЯ ШПОРА,
или
ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРА КЪ ДѢТЯМЪ.

Многіе случаи доказываютъ любовь Императора къ дѣтямъ, которые въ свою очередь имѣли къ Монарху особенную привязанность и всегда прельщались его ангельскою наружностью. Мы уже имѣли случай разсказать одинъ анектотъ (См. разск. VIII, Импер. Александръ въ Базелѣ); вотъ другое подобное тому происшествіе:

Прогуливаясь однажды въ Царскосельскомъ саду, Государь зашелъ къ одному изъ своихъ Генералъ-Адъютантовъ, имѣвшихъ квартиры въ нарочно устроенныхъ домикахъ; милостиво разговаривая съ хозяиномъ, Его Величество изволилъ сидѣть на диванѣ; меньшой сынъ Генералъ-Адъютанта подползъ между тѣмъ къ ногѣ Монарха, и играя серебряною шпорою, ста-

рался стащить ее. Усилія ребенка были тщетны и онъ заплакалъ. Хозяинъ, желая избавить Государя отъ безпокойства, хотѣлъ взять сына, но Его Величество весьма благосклонно отклонилъ намѣреніе родителя, самъ снялъ съ ноги своей шпору, отдалъ ребенку и тѣмъ его утѣшилъ. А во дворецъ возвратился уже съ одною шпорою.

XV.

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ И СОСТРАДАНІЕ МОНАРХА.

Въ 1822 Государь Императоръ, прогуливаясь близъ Вероны, по прелестнымъ, живописнымъ берегамъ Гардскаго озера, увидѣлъ, что одинъ изъ проводниковъ его, по несчастію, упалъ съ лошади и весьма больно ушибся. Его Величество самъ старался о скорѣйшей помощи, ввѣрилъ пользованіе его одному изъ своихъ Лейбъ-Медиковъ и сверхъ того пожаловалъ ему 100 цехиновъ.

Каждое утро, во время пребыванія въ Петербургѣ, въ кабинетъ Его Величества входилъ фельдфебель его собственной роты съ рапортомъ; и если доносилъ, что заболѣлъ какой нибудь рядовой, то Монархъ всегда спрашивалъ объ имени заболѣвшаго, о родѣ болѣзни, о причинѣ, и тотчасъ приказывалъ сказать о томъ своему Лейбъ-Медику. Увидѣвши же Лейбъ-Медика, никогда не забывалъ спросить — видѣлъ ли онъ больнаго?

XVI.

АККУРАТНОСТЬ ГОСУДАРЯ.

Подобно Великой Бабкѣ своей, Александръ любилъ въ семейной жизни чрезвычайную точность. Ни одинъ камердинеръ не долженъ былъ, даже при обметаніи пыли въ кабинетѣ Его Величества, перешевелить или переложить съ мѣста на мѣсто какую нибудь вещь, ибо Государь тотчасъ замѣчалъ это. Не закрытая книга, перо обмакнутое въ чернила—словомъ всё должно было находиться въ томъ самомъ видѣ, какъ было оставлено Монархомъ.

XVII.

Рескриптъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, данный 11-го Ноября 1824 года, на имя Его Сіятельства, Князя Алексѣя Борисовича Куракина, по случаю наводненія, бывшаго того же мѣсяца 7-го числа.

Съ благоговѣніемъ читаемъ мы въ дѣяніяхъ Великаго Петра о попечительности сего Монарха къ благу подданныхъ, пострадавшихъ во время наводненія въ 1721 году; здѣсь узнаемъ мы, какъ онъ— Отецъ отечества, не будучи совершенно здоровъ, бросился въ воду для спасенія утопавшаго съ людьми бота, и симъ самоотверженіемъ приблизилъ, какъ полагаютъ, преждевременную себѣ кончину. Съ какимъ же благоговѣніемъ прочтемъ мы о томъ состраданіи, которое Благословенный Александръ, въ подобномъ же случаѣ, оказывалъ своему народу, при видѣ бѣдствій, постигшихъ жителей Петербурга.

Всевозможныя средства къ спасенію несчастныхъ, во время сего горестнаго

событія, были употреблены, но пути Всевышняго неисповѣдимы! И если въ часъ бѣдствія Государь не могъ положить предѣла горестнымъ событіямъ, то посмотримъ, что содѣлала его попечительность въ послѣдствіи: Александръ Благословенный шелъ совершенно по стопамъ своего Великаго Прадѣда. Съ благоговѣніемъ посѣщаетъ онъ въ Голландіи мѣста, ознаменованныя пребываніемъ Великаго, и присутствіе свое означаетъ простою и многозначащею надписью:

PETRO MAGNO

ALEXANDER,

то есть:

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ бытность свою на золотопромышленныхъ заводахъ онъ беретъ кайло, желѣзную лопатку, говоритъ: теперь Я берггауеръ и начинаетъ копать землю. Въ Петрозаводскѣ онъ присутствуетъ при

разрывѣ орудія, входитъ въ положеніе мастеровыхъ; плавая на гаркоутѣ изъ Ставрополя къ Самарѣ, самъ обноситъ шкаутъ около зонта; во время осмотра работъ Нижне-Исетскаго завода самъ отковываетъ два гвоздя и топоръ.... И послѣ этого какой Русскій не воскликнетъ: «Великій Петръ! призри съ горнихъ, твой Правнукъ идетъ по слѣдамъ твоимъ!»

Но мы отдалились отъ цѣли сей статьи. Прочтемъ съ благоговѣніемъ рескриптъ Императора, писанный 11-го Ноября 1824 года, послѣ случившагося наводненія, и познакомимся съ достопримѣчательнымъ слогомъ Благословеннаго:

Князь Алексѣй Борисовичъ!

Бѣдствіе, постигшее Санктъ-Петербургъ въ 7 день сего Ноября внезапнымъ и необыкновеннымъ наводненіемъ, исполнило сердце Мое горестными чувствами.

Судьбы Вышняго праведны и неисповѣдимы. Въ глубокой покорности волѣ Его

и скорбя о всѣхъ потерпѣвшихъ убытки и растройство, Правительство не можетъ вознаградить всѣ утраты сего бѣдственнаго дня, — доставленіе скорой и существенной помощи наиболѣе раззореннымъ и неимѣющимъ, Я вмѣняю себѣ въ священный долгъ: они имѣютъ ближайшее право на отеческое Мое попеченіе.

Я назначаю въ раздачу имъ безъ возврата милліонъ рублей изъ суммъ, составленныхъ отъ сбереженія хозяйственнымъ устройствомъ Военныхъ Поселеній.

Избирая исполнителемъ сей Моей воли васъ, Генераловъ: Графа Аракчеева, Графа Милорадовича, Сукина, Министра Финансовъ, Начальника Морскаго Штаба и Санктъ-Петербургскаго Оберъ-Полицмейстера, изъ сихъ лицъ и изъ одной Духовной Особы по назначенію первенствующаго въ Святѣйшемъ Сvнодѣ Преосвященнаго Митрополита Серафима, образовать подъ предсѣдательствомъ вашимъ Комитетъ о пособіи раззореннымъ наводненіемъ

С.-Петербурга. Комитетъ сей изберетъ еще, для присутствія въ ономъ, двухъ Членовъ для здѣшняго Россійскаго купечества.

Мое непремѣнное желаніе состоитъ въ томъ: »1-е, чтобы первымъ дѣломъ Комитета было доставленіе прибѣжища и содержанія лишеннымъ покрова и пищи вообще, чтобы пособія изъ назначеннаго капитала оказуемы были тѣмъ единственно, для коихъ по совершенной бѣдности онѣ необходимы.

»2-е, Чтобы пособія сіи вѣрно и точно доходили по назначеніямъ.

»3-е, Чтобы доставляемы онѣ были скоро и безпрепятственно.

Сіи правила Комитетъ приметъ главнымъ основаніемъ своихъ дѣйствій.—Чувство состраданія, истинной любви къ ближнему, долгъ предъ Богомъ и Отечествомъ, укажутъ вамъ и сотрудникамъ вашимъ во

всей подробности пути, коимъ въ великомъ дѣлѣ благотворенія должно слѣдовать. —

Пребываю вамъ всегда благосклонный

Александръ.

С.-Петербургъ.
11-го Ноября 1824.

Если книжку эту случится прочесть иностранцу, то пусть онъ отыщетъ въ другихъ Исторіяхъ подобныя сему дѣйствія, и тогда пусть скажетъ, что нашелъ другаго Александра!

1777, 1801, 1825.

И ПОСЛА МІРОВИ АНГЕЛА КРОТОСТИ.

»Народа гласъ, гласъ Божій; народъ »изрекъ: *Благословенный*; Онъ съ »горнихъ зритъ на насъ съ отече-»ской улыбкой.

Надпись на балдахинѣ, сооруженномъ въ Твери, надъ катафалкомъ въ соборѣ, гдѣ стояло тѣло Александра въ 1825 году.

И ПОСЛА МІРОВИ АНГЕЛА КРОТОСТИ.

(Смѣтливость Русскаго человѣка.)

Многіе ученые, охотники отыскивать во всемъ особенную гармонію и взаимныя отношенія между міровыми событіями, — замѣчаютъ, что рожденіе и смерть великихъ людей имѣютъ тождественность во времени; напримѣръ: Петръ Великій скончался въ 1725-мъ, а Александръ Благословенный въ 1825-мъ годахъ, и роковое число 25 часто терпитъ упреки, едва ли справедливые. Русскій, простонародный людъ, воспитанный въ предѣлахъ христіанскаго смиренія и съ малолѣтства привыкшій всё необыкновенное приписывать не иначе, какъ дѣйствіямъ неисповѣдимыхъ судебъ Провидѣнія, своими замѣчаніями и выводами часто любаго ученаго — ставитъ въ тупикъ. — Еще въ дѣтствѣ

моемъ одинъ почтенный бородачъ, разсказывая мнѣ диковинки двѣнадцатаго года, замѣтилъ, что и кровавое поприще Наполеона и милосердое царствованіе Александра Перваго — предсказано въ Апокалипсисѣ.... Посмотримъ, какъ онъ доказалъ второе обстоятельство: Въ Апокалипсисѣ сказано: *И посла мірови Ангела кротости*.... Что здѣсь общаго между Благословеннымъ и этимъ священнымъ изреченіемъ? спрашиваемъ мы. — То, отвѣтятъ намъ, что Александръ былъ Монархъ кроткій, милосердый, заслужилъ при жизни, добродѣтелями своими, названіе Ангела... и только? — Нѣтъ! Русскій человѣкъ находитъ тутъ отношеніе болѣе разительное.

Примите каждую букву сего изреченія порознь за цыфру, какъ онѣ значатся по церковному счисленію, и вы получите самый удовлетворительный результатъ. —

Напишемъ снова изреченіе Апокалипсиса и повѣримъ на дѣлѣ слова разскащика:

Сочтите рядъ составившихся чиселъ, и вы получите сумму — 1777 — годъ рожденія Императора Александра.

Этого мало: Государь родился 12-го Декабря, Декабрь есть 12-й мѣсяцъ въ году, 12 и 12 составляетъ 24; сложите сію сумму съ полученнаго уже 1777-го — у васъ въ итогѣ выдетъ 1801 — годъ, когда воцарился Благословенный; прибавьте эти же 24 къ 1801-му, и вы получите 1825, то есть годъ его кончины.

Не знаю, какъ думаютъ другіе, но здѣсь я вижу и особенную смѣтливость Русскаго человѣка, и любовь его къ своему Монарху...

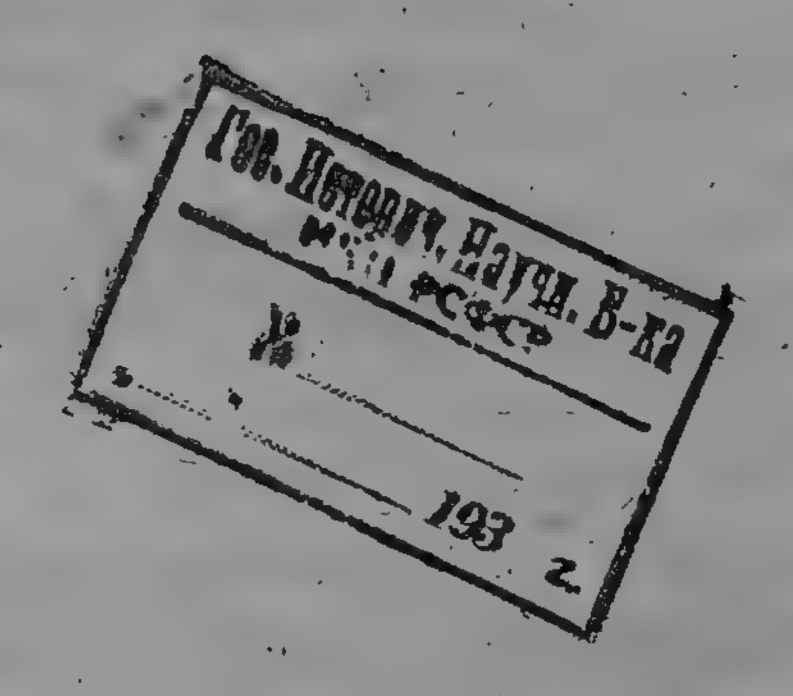
1814.

Довольно остроумную игру словъ выдумали Французы въ 1814 году, во время бытности Александра въ Парижѣ, которую почитаемъ кстати разсказать здѣсь:

Начальная буква имени покойнаго Императора есть — А. Она находилась и на

гербахъ и на монетахъ, и Французы говорили: Alexandre a des amis partout—это имѣетъ двоякій смыслъ: *Императоръ Александръ поставилъ вездѣ букву А*, и также: *Императоръ Александръ имѣетъ вездѣ друзей*... И то и другое справедливо!

КОНЕЦЪ.

Главы. Страх.

ОГЛАВЛЕНІЕ

